

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию Фу Хэна
«Переводы А.Д. Кантемира: репертуар, приемы, примечания»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 (“Русская литература”).
Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН,
2022 г. 213с.

Диссертационное исследование Фу Хэна посвящено комплексному изучению переводов Антиоха Кантемира, как оставшихся в рукописи, так и уже опубликованных. Актуальность и новизна темы исследования не вызывает сомнения: столь полное и последовательное изучение переводов предпринимается впервые. Антиох Кантемир, политик, культуртрегер, гражданин *République de lettres*, обладал энциклопедичностью интересов. Помимо литературного творчества он занимался философией, историей, математикой, физикой, астрономией, искусством миниатюры, увлекался театром и музыкой. Судьба Антиоха Кантемира, его личность и творчество привлекали внимание многих исследователей. Вместе с тем, современная наука обладает далеко не полными сведениями о биографии, мировоззрении и литературных взглядах одного из наиболее известных авторов XVIII в. С одной стороны, некоторые факты, касающиеся его биографии и не находящие подтверждения, могут переходить из работы в работу (например, его якобы учеба в Славяно-греко-латинской академии, о чем говорится и в исследовании Фу Хэна со ссылкой на работу Грасгофа; ср., например, биографию Кантемира в Словаре русских писателей XVIII в., где справедливо Славяно-греко-латинская академия не упоминается, но зато отмечается астраханский период обучения в школе капуцинов). С другой стороны, недостаточно изученным остается и эпистолярное наследие Кантемира, включающее как личную переписку, так и официальные реляции, которое, возможно, скрывает неизвестные страницы его биографии.

Автор диссертационного исследования полагает, что можно было бы уже думать об издании академического собрания сочинений Антиоха Кантемира. Мне кажется, однако, что наши актуальные знания о творчестве Кантемира не достигли пока того уровня, который позволял бы приступить к этому амбициозному этапу, поскольку не решены еще многие текстологические проблемы. Хорошо известно, что до нас дошло очень немного автографов Кантемира, так, например, его сатиры (в частности, и их язык) изучаются, по сути, по рукописям второй половины XVIII в., при этом полного перечня рукописей, содержащих списки его сатир, пока не существует. Ставится также вопрос о границах наследия Кантемира, например о том, является ли он переводчиком текстов, описывающих европейский придворный этикет¹ или каков его вклад в комментарии к «Московским письмам» Ф. Локателли. Антиох

¹ В работе: Е.Бабаева. Антиох Кантемир как автор дипломатических и церемониальных текстов // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999

Кантемир продолжает оставаться, если использовать емкую формулировку С.И. Николаева, столь полюбившуюся всем, кто изучает труды поэта, «трудным». Вместе с тем, следует признать, что проделанное Фу Хэном исследование существенно расширяет наше знание о круге чтения и переводческих трудах Кантемира и заполняет многие белые пятна.

Антиох Кантемир, происходивший из рода Кан-Тимура, сын молдавского господаря, родившийся в Константинополе, выросший в России, а в 23 года навсегда оставивший Россию, прекрасно владевший, кроме русского, латинским, греческим, итальянским и французским языками, несомненно, знакомый с английской и немецкой культурной парадигмой, был своего рода духовным космополитом. Сложность изучения наследия Кантемира связана, в частности, с тем, что вопрос о его культурной ориентации и связях с традицией не имеет единственного ответа, который имел бы объяснительную силу по отношению ко всему его творчеству. Ответ на вопрос о том, в какой культуре и в каком языке кроется отправная точка того или иного аспекта его творчества, не всегда очевиден. Исследователи часто видят в произведениях Кантемира отражение влияния культурной традиции тех стран, в которых он жил после отъезда из России. Так, довольно много написано о влиянии французской культуры на его мировоззрение. В свое время итальянская исследовательница Джина Майелларо убедительно доказала, что целый пласт творчества Кантемира (а именно его концепция поэтического языка) теснейшим образом связан с итальянским влиянием. В обширном труде Юрия Константиновича Щеглова, посвященном литературно-историческому контексту сатирического Кантемира (и почему-то не упомянутому в диссертационном исследовании Фу Хэна), дается образец «дифференцирующего» прочтения текстов. Такой тип прочтения подразумевает идентификацию в текстах пропадающих сквозь толщу литературной традиции (или, точнее, литературных традиций) единиц, восходящих к античности или к европейской (английской, итальянской и французской) литературе. Часто отправной точкой для поисков истоков мировоззрения Антиоха Кантемира служит опись его библиотеки. Фу Хэн замечает, что эта опись сделана Г. Гроссом «крайне непрофессионально». Хотелось бы уточнить в связи с этим, что опись библиотеки Кантемира была сделана не Гроссом, а парижскими букинистами. Эта опись была напечатана в 1745 г. в связи с планировавшимся аукционом (*Catalogue de la bibliothèque de feu M. le prince Cantemir, Ambassadeur de S.M.I. de Russie, dont la vente se fera en détail rue Saint Dominique, à l'Hôtel d'Auvergne, lemai. Paris, 1745*).

Диссертационное исследование состоит из Введения, в котором формулируется тема работы, обосновывается ее актуальность, приводится обзор литературы и источников, определяются цель исследования, его границы и методы, трех глав («Репертуар переводов А.Д. Кантемира»; «Переводческие приемы А.Д. Кантемира», «Примечания А.Д. Кантемира к переводам»), Заключения и списка литературы.

В первой главе Фу Хэн характеризует корпус переводов Кантемира, которые он делит хронологически на два периода: «русский» (1725-1731) и «заграничный» (1732-1744). По мнению Фу Хэна, Антиох Кантемир начал

заниматься переводами с целью усовершенствовать свои знания иностранных языков, а впоследствии последовательно исходил из заботы о просвещенном российском читателе. Замечу лишь, что к чисто прагматическим целям стоит, вероятно, все-таки добавить и более глобальную — желание поставить культуру новой России вровень с европейской. С этой точки зрения для Кантемира включение в перевод примечаний было особенно важным, поскольку помимо просветительских функций они, вероятно, имели и символическое значение, структурно ориентируя новую русскую литературу на европейскую традицию.

Особый интерес представляет, как кажется, перевод «Картины» Кебета Фиванского. По всей видимости, это чуть ли не единственный случай авторской переработки текста, поскольку в рукописи из собрания А.В. Кокорева есть прямое указание Кантемира на то, что перевод, сделанный им ранее по французскому оригиналу, был затем исправлен в соответствии с греческим текстом («с подлинником греческим сличил и против того справил»). Фу Хэн, вероятно, по недоразумению, приписал слова Кантемира Б.А. Градовой, опубликовавшей обзор этой рукописи в статье, посвященной ранним переводам Кантемира: «Б. А. Градова полагает, что эти разнотечения являются «сверкой первоначального перевода с греческим оригиналом». Мы не можем согласиться с этим мнением» (стр. 115). Принципиально важно, что это «мнение» самого Кантемира, поэтому необходимо учитывать его как установку автора.

В диссертационном исследовании подробно рассматривается вопрос о том, чем мотивировался выбор того или иного произведения для перевода. В некоторых случаях, как справедливо отмечает Фу Хэн можно предположить влияние конкретного человека из окружения Кантемира. Среда, в которой вращался А. Кантемир до отъезда за границу, несомненно, выпестовала часть его замыслов. Автор исследования предполагает, что выбор «*Entretiens sur la pluralité des mondes*» Фонтенеля, возможно, был сделан под влиянием П.М. Голицына, тогда как Б.А. Успенский склоняется скорее к фигуре Жюбе, поскольку картезианство Фртенеля было особенно близко янсенистам. Стефан Лемни, автор книги, посвященной Дмитрию и Антиоху Кантемирам, замечает, что выбор этого сочинения для перевода указывает на то, что Кантемир выбрал свой лагерь в Споре о Древних и Новых.

Во второй главе рассматриваются переводческие приемы, к которым прибегает Антиох Кантемир в поэтических и прозаических переводах с латыни, древнегреческого и французского языков. Данная глава содержит анализ большого корпуса собственно языкового материала, часто оставляющего простор для интерпретации. Так, например, говоря о переводе строки Буало «*Et ton nom, du Midi jusqu'à l'Ourse vanté*» как «И твое имя с краю до другого краю» Фу Хэн замечает, что Кантемир заменяет протяженность времени на протяженность пространства. Можно предположить, однако, что и у Буало речь идет о пространстве, поскольку слово *Midi* обозначает юг Франции, а созвездие *Ourse* ассоциируется с севером. В этом случае следует признать, что Кантемир точно передал идею Буало. Анализ переводческих практик, выполненный Фу

Хэном, вводит в научный оборот большой материал, особенно интересный лингвистам.

В третьей главе предметом изучения становятся примечания Кантемира к переводам, адресованные, как полагает исследователь, просвещенному читателю. Проанализировав структуру примечаний, Фу Хэн предложил различать три типа их внутреннего устройства: параллельные, центростремительные и центробежные, из которых два последних служат для дополнения основной информации.

Главным вкладом исследования Фу Хэна в кантемироведение является выявление многочисленных источников, которыми пользовался А. Кантемир при переводе отобранных им текстов и примечаний к ним, а также последовательное описание приемов, к которым он прибегал при работе со стихотворными и прозаическими оригиналами. Очевидно, что эта работа потребовала огромной эрудиции и тщательности, так сказать, вглядывания в текст. Крайне ценным кажется детальное исследование примечаний Кантемира — в том числе с точки зрения соотношения авторского текста с текстом оригинала. Впервые была поставлена и решена задача поиска западноевропейских источников для комментариев и маргиналий А. Кантемира.

Вместе с тем, некоторые методологические подходы к анализу текстов вызывают сомнения. В настоящее время достаточно часто встречаются исследования, посвященные явлению переводной множественности, то есть сопоставлению разных переводов одного и того же текста, в том числе в диахронном разрезе. Однако для такого сопоставления должна быть некая общность подходов авторов к переводимому тексту, некая сопоставимость историко-культурного контекста. Такое сопоставление, предпринятое автором диссертационного исследования в рамках XVIII в., хотя и носит вынужденно фрагментарный характер, все же может дать некоторые интересные результаты. Между тем, остается совершенно непонятно, зачем сопоставлять Хронику Константина Манассия, древнерусские списки фрагментов которой восходят к среднеболгарскому переводу с греческого, с переводом Кантемира, выполненного с латыни в совершенно в иной культурно-языковой ситуации. Эти тексты отражают принципиально разную языковую установку и то, что в них наблюдаются несопоставимые переводческие решения, ничего не добавляют нового к анализу того, как работал с оригиналом Кантемир. Так, например, указание на то, что в «русской версии болгарского перевода» нет приема глоссирования заимствования (как в случае *виктория / победа*) у Кантемира², не создает никакого нового знания. Наличие глосс является частью языковой концепции Кантемира, поскольку Кантемир создавал литературный язык нового типа, одним из важнейших показателей которого, в соответствии с канонами европейской лингвистической мысли, являлось богатство языка.

В разных частях диссертационного исследования Фу Хэн обращается к характеристике стиля А. Кантемира. В частности, Фу Хэн пишет о том, что

² Заметим, кстати, что слово *виктория* вряд ли стоит называть «экзотическим»; этот заимствование появляется в самом конце XVII века и в какой-то степени было известно читателю.

язык Кантемира приближается к «изысканному барочному стилю». Вместе с тем, остается совершенно непонятно, что имеется в виду под этим термином. Некоторые понятия используются исследователем не совсем точно. Так, в работе говорится о продвижении Кантемира от гибридного языка к «простому». Термин гибридный, применяющийся по отношению к языку сочинений Петровского времени и отражающий стремление авторов писать на книжном языке, который отличался бы от традиционного церковнославянского, не обладает сам по себе объяснительной силой. Он лишь указывает на субъективную установку автора, отбирающего языковые единицы из так называемого «пула» языковых средств разных регистров (ср., например, посвященные этой проблематике работы В.М. Круглова). Не очень понятно также, что такое «простой» язык в понимании Фу Хэна, тем более, что *простой* слог в употреблении А. Кантемира могло обозначать прозу в отличие от *стихотворства*. Статус «просторечия» для 20-х-30-х гг. XVIII в. также неочевиден, поскольку русский литературный язык нового типа находился лишь в стадии становления. Вызывает недоумение также использование термина «фонематический вариант» по отношению к генетически разным полногласным и неполногласным корням типа *дерево* и *древо*, *город* и *град*, а также термина «окказиональный вариант» по отношению к форме творительного падежа *грушами* или к кратким адъективным формам. На с. 100 говорится о том, что при переводе «Описания Парижа и французов» Кантемир прибегал к «гибридному славяно-российскому языку». Термин *славенороссийский*, образованный по аналогии с *греко-латинским*, был распространен в начале XVIII в. и использовался, как правило, в качестве номинации для церконославянского. Кантемир использует этот термин не только в предисловии к «Описанию Парижа», но и в предисловиях к «Хронике Манасия» и к «Симфонии на Псалтырь». Замечу, что эволюции лингвистических взглядов Кантемира, в частности, использованию им понятий «славенороссийский» и «русский» языки в контексте социолингвистической ситуации в России 20-х-30-х гг., посвящена специальная литература. Из более частных моментов стоит обратить внимание на то, что постпозиция прилагательного, которая связывается исследователем с французским влиянием, имела все же поддержку в узусе, поскольку, как показала А.С. Улитова, она достаточно представлена в текстах, когда требовалось семантическое выделение определения. Вряд ли также следует интерпретировать использование Кантемиром *ты* в соответствии с французским *вы* в «Картине» Кебета Фиванского как сокращение дистанции между адресатом и адресантом. Категория этикетного *Вы* только начала свое становление в конце XVII в., и семантика оппозиции *Вы/ты* отличалась от современной.

Высказанные возражения носят частный характер. Можно сказать, что диссертационное исследование Фу Хэна представляет собой исследование сложившегося автора, обладающего огромной эрудицией. Диссертация позволяет на новом уровне вернуться к ряду самых сложных проблем истории сохранения и трансплантации культурного наследия. Результаты исследования

обладают несомненной новизной и имеют неоценимое значение для последующих исследований в области истории русской литературы XVIII в. Диссертационное исследование Фу Хэна отвечает требованиям действующего Положения о порядке присуждения ученых степеней. Автореферат диссертации исчерпывающим образом отражает содержание диссертационного исследования, опубликованные работы также соответствуют его содержанию. Автор диссертационного исследования Фу Хэн заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 «Русская литература».

20.08.2022

Бабаева Елизавета Эдуардовна
кандидат филологических наук,
доцент филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова.
llevidova@gmail.com

Адрес организации:
119296, Москва,
Ленинские горы, ГСП,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.
Тел. +7 (495) 939-32-77
E-mail: dekan@philol.msu.ru, contact@philol.msu.ru